Илья Муромец и сын (2)

Ездил Илья Муромец, розгуливал и нашол себе невесту и с ей пожил. Паленица была удалая.
Он прижил с ей сына или дочь. Коґда стали они с ей расставаться, она сказала ему, что она
стала беременна. «Вот, — говорит, — если ты беременна, если родится дочь, на́ тебе перестень
золотой, именной; если сын — на́ тебе крест золотой, именной».

Илья уехал на старое место. Дело пришло — она родила сына. Сына родила, имя дала ему
Сокольник. Вот он и ростет, этот сын. Прошол год, два, три, четыре, — может, пять. Стал этот
сынок у них порядочный. Вот там — восемь годов, десеть: стал знать всё. А парень был удалый.
Ребята стали дратися между собой, его дразнили: «Ты сколодной!» Ему это не по нраву. Вот приходит
он к матери и говорит: «Вот, никого не зовут сколодным, а меня зовут! Есть, нет ли у меня
отец кто?» А она сказала: «Есть». — «А кто такой есть отец у меня?» — «Есть у тебя отец —
Илья Муровець, старый козак». — «А где он проживāт?» — «В городе в Киеве».

Вот он собрался: «Дай мне, мама, коня и всё вооружение: латы боґатырские» (сам двенадцати
лет), «также палицу боевую, меч, копьё и коня!» Вот это вооружение она не давала ему.
«А если ты добром не дашь, то силою возьму!» Вот, значит, она не могла его удержать. «Я, —
говорит, — поеду, убью Илью Муровьця». Ну вот, тут он и собралса. И вот там неизвестно из
какого села

Снарежался он скорёхонько,
Сподоблялся скоре тово,
Выходил на конюшен двор,

Выводил себе добра́ ко́ницка,
Накладывал седёлышко черкасьское,
Двенадцеть подпружечек подпре́гивал,
Сам этим подпружечкам приговаривал:
«Это не для́ басы — ради крепости,
Ради крепости боґатырскоей!»
Тут много людей собиралося
Смотреть поездку боґатырскую.
Не видели боґатырской поездоцки —
Только видели: Сокольницек в стремена́ скочил.
Тут долго ли, скоро Сокольницек ехал до Киева,
Подъехал Сокольницек к Киеву.
И объезжает Сокольницек кругом Киева,
И выбрасыва̄т Сокольник своё копеицько:
Вострым концом на Киев-град,
А тупым концом к себе.
А сам копью приговарива̄т:
«Старого седатого Илью Муровьця убью
И весь Киев-град розорю!»

Во то время, во ту пору ихней братии был боґатырь. *(Мы их называем станицницки.)* Вот
из их, из станицницков, приходит в бело́й шатер и говорит таково́ слово́:

«Не пора ли нам, робятушка, вставать,
И не пора ли нам, робятушка, завтракать?
И есь у нас во полюшки невзгодушка!
Кому же итти и ехати
Невзгодушку попроведати?»
Надо же ехать Олёшеньке Поповичу очередь.
Но Олёшеньке Поповичу невзгодушка великая:
Не съехаться ему, не поздороваться —
Пропадёт у Олёшеньки бу́йна го́лова не за денежку!
Тоґда надо послать Добрынюшку Микитича:
Тот может сойтись и съехаться, и поздороваться,
И розознать, на кого эта невзгодушка налета̄т!
(А мать-то ему россказала всё, какого кто поведения.)
Вот Добрынюшка Микитич снарежался скорёхонько,
Снарежался скоре того,
Выходил Добрынюшка на конюшен двор,

Выводил Добрынюшка добра́ ко́ницка,
И вот накладывал седёлышко черкасьское,
Садилса Добрынюшка на добра́ коня́,
И выезжал Добрынюшка на цисто́ полё.
И видит Добрынюшка: едет Сокольницек-розбойницек!
Слезывал Добрынюшка с добра́ коня,
И брал Добрынюшка пухову́ шляпу в пра́ву руку,
А коня — в леву руку;
Тут-то Добрынюшка низко кланелса:
«Здраствуй же, удалой доброй молодец,
Гостенёк ты неожиданной!»

А тоґда Сокольницек-розбойницек ему отвечал:

«Вы кто такие есть? Добрыня Микитич или кто такие?» *(Ему уже кажется, что Добрыня Микитич.)* — «Да, — он говорит,— Добрыня Микитич, мне не нужны! А нужен мне старый, горбатый, седатый тары́й козак Илья Муровец. Я его убью и Киев-град розорю!»

Тоґда Добрынюшка Микитич накладывал пухову шляпу и заскакивал на добра́ коня. И поехал в стольный Киев-град обратно. И заходит к станицницкам. «Ну, товарищи-братья! Я Сокольнику-разбойнику не нужон! Надо Сокольницку-разбойничку старый, седатый старо́й козак Илья Муровец. „Я старого козака Илью Муромца убью и Киев-град розорю!”»

Тоґда-то у Илеюшки серце розгорелосе,
Могуции плечи росходилисе.
Срежалса Илеюшко скорёхонько,
Выходил Илеюшко на конюшен двор,
Выводил Илеюшко добра́ ко́ницка,
Накладывал Илеюшко седёлушко черкасьское,
Да двенадцеть подпружечек подпрегивал,
Сам подпружечкам приговаривал.
Тринадцату подпружечку протягивал через спину лошадиную.
И это не для басы — ради крепости,
Ради крепости боґатырскоей!

Много людей собиралосе
Смотреть поездку боґатырскую.
Не видели поездочки боґатырскоей,
Только видели: Илеюшко в стремена́ скоцил.
(Молодой стал, как я!)
Не две горы́ во полюшки сокаталась,
Не два молодца́ удалых соезжалось —
Вот тут они бились-дрались суточки трое
Во́стрыми ко́пьями.
Ко́пеица по носадоцкам извихалисе —
А тем боём друг дружку не ра́нили!
Бились они, дрались суточек трое во́стрыма саблями.
Сабелка о сабелку прищербалися —
В том бою друг дружку не ранили!
И бились они, дрались боёвыми палочками.
Палочка о палочку окорнались —
И друг дружку не ранили!
Тоґда соскоцили с до́брых ко́ницков,
Схватилися они в охабоцку на рукопашный бой.
Тоґда-то у Илеюшки права ножецка приока́тилась,
А лева руценька приоко́ль[з]нулась —
Тоґда-то пал Илеюшко на сыру́ землю́,
И тогда-то въехал Сокольницек-розбойницек на Илеюшку;
Въехал на Илеюшку и сел на белы́ груди́,
И стал расстёгивать булатные застёжечки:
Хочет пороть белую грудь,
Вымать ретиво́ серцё.
Видит Илеюшко — видно, конець приходит!
И взмолилса Илеюшко Пресветой Матери Божией Боґородицы:
«Ґой еси, Мать Пресвета́ Божья Боґородица!
Смерть мне во поле была не писана —
А теперь мне-ка смёрточка приходит верно!»
А Сокольницек-розбойницек хватилса —
В ножнях булатного ножика нет!
Потенул Сокольницек Илеюшку по чисту полю́.
(Потянул, розыскивает ножик-то!)
А Илеюшко тоґда почуствовал в себе, что силы у его прибыло.
Розмахнулса он своима белыма руками —
Слетел Сокольницек-розбойницек с бело́й груди́!

Выскакивал Илеюшко тоґда на резвы́ ноги,
(Верно, Пресвета Боґородица ему силу прибавила!)
И клал он Сокольника добросовестно на сыру землю́.
Тоґда-то и садилса Илеюшко Сокольнику на белую грудь
И стал спрашивать:
«Откуда ты, удалый добрый молодец?
Ко́ей ты земли́, ко́ей родины?
Коёго отця, ко́ей матери,
Какого ты цяря, какого города?»
А Сокольницек отвечал:
«Кабы я сидел у тебя на белы́х грудях —
Не спрашивал бы ни отця, ни матери,
Ни цяря, ни города!»
Вот тоґда-то Илеюшко стал ростёгивать застёжечки булатные:
Хотел пороть белу́ю грудь,
Вынимать ретиво́ серцё.
Ростегнул застёжечки булатные —
И увидел свой крест именно́й!

Тоґда-то Илеюшко признал, что сын его, и заплакал: «Ах, милое мое цядо! На что ты напускашь
на старика?» Поставил его на ре́звы ноги, поцеловал на́ три стороны́. И вот тоґда сели, посидели
и посоветывали. Тоґда-то Илеюшко поставил белой шатёр и насыпал коням белоя́ровой
пшеницы, а сам повалился в шатёр спать.

Вот Илеюшко тоґда заснул — после такой битвы — крепким сном боґатырским. А Сокольнику-
розбойнику не спитса. Сокольницек встал, сел на коня и отправилса домой.

Едет к дому очень грусен, печален; а мать уж там дежурит его. Вышла на балхо́н, стретает
его и говорит: «Ох ты сыноцек! Што же ты невесёлый едешь, побил, видно, ты отця-родителя?»
Этот Сокольницек подъехал к балхону да вострым копьём влепил в мати в белую грудь, да вы́знел,
да бросил о землю. А тоґда Сокольницек повернул коня обратно и снова в стольней
Киев-град.

Приехал к белу́ шатру́, а Илья всё спит сном боґатырским.

Тоґда зашол Сокольник Илеюшки во шатёр. Видит, што спит Илеюшко крепким сном боґатырским.
Взял вострым копьём да в бе́лую грудь и всадил! А тоґда у его под латами был крест золотой,
который был подарён князем Владимиром, двадцать восемь фунтов. Вот тоґда-то
проснулса Илеюшко от крепкого сна и вскочил на резвы́ ноги́. Схватил Сокольника за резвые ноги,
тут его и розо́рвал!

(Зап. А. М. Астаховой 13 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Ивана Ивановича, 57 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.